

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

© 2021 г. К. М. Барский^{a,*}, А. В. Виноградов^{b,**}, А. И. Салицкий^{c,***}

^aМинистерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

^bРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия

^cНациональный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

*E-mail: kirill_barsky@yahoo.com

**E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

***E-mail: sal.55@mail.ru

Поступила в редакцию 05.04.2021 г.

После доработки 27.04.2021 г.

Принята к публикации 05.05.2021 г.

В июле нынешнего года исполнилось 100 лет с момента образования Коммунистической партии Китая. Это событие дало повод авторам публикуемой статьи задуматься над основными проблемами, которые решает современное китайское общество, о месте КНР в мировой экономике и политике в начале третьего десятилетия XXI в. и о том растущем влиянии, которое эта страна оказывает на планету. Несомненные успехи Китая, в том числе в борьбе с пандемией коронавируса и в преодолении спада, вызванного жёсткими карантинными мерами в начале 2020 г., показывают немалую жизнеспособность созданного китайскими коммунистами государства, всё чаще оказывающегося на передовых позициях в мире в экономике, науке и технике, культуре. Но путь к нынешнему подъёму великой державы был отнюдь не простым, а перспективы её развития служат, пожалуй, одним из наиболее обсуждаемых вопросов в международных дискуссиях. В Китае не устают подчёркивать специфику своей истории. В то же время разнообразие внутренних условий огромной страны вместе с умелым приложением к ним тщательно изучаемого чужого опыта дали необыкновенное богатство форм развития, которое может служить залогом новых достижений и, возможно, полезных универсалий для всего человечества.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Коммунистическая партия Китая, развитие, социализм, экономическая модель, рынок, опора на собственные силы, независимость, дипломатия, политика, китайская мечта.

DOI: 10.31857/S086958732108003X

Отмечаемое в 2021 году 100-летие Коммунистической партии Китая (КПК) не могло остаться незамеченным. В чём значение юбилея? На наш взгляд, именно в том, что он символизирует за-

вершение эпохи кризиса китайской цивилизации, начало которому положили вторжение западных держав и опиумные войны середины XIX в., ставшие свидетельством отсталости китайского

БАРСКИЙ Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, старшее должностное лицо России в АТЭС, посол по особым поручениям МИД РФ. **ВИНОГРАДОВ** Андрей Владимирович – доктор политических наук, профессор РУДН, заведующий сектором Института востоковедения РАН. **САЛИЦКИЙ** Александр Игоревич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

общества того времени. Но Китай никогда не мирился с поражением, сопротивлялся, пытался преодолеть отсталость сначала путём проведения политики “самоусиления”, затем реформ Кан Ювэя (конец XIX в.), наконец, в 1911 г. вспыхнула Синьхайская революция и возникла идея республики “трёх народных принципов” Сунь Ятсена, которой не суждено было по-настоящему осуществиться. Страна, ставшая жертвой внутренних распрей, инерции отсталости и алчности колониальной политики мировых держав, продолжала разрушаться.

Выстрелы “Авроры”, по словам Мао Цзэдуна, принесли в Китай всеобщую истину марксизма-ленинизма. Позитивным символом нарождающейся эпохи стало появление первых китайских марксистов и коммунистической партии, победившей политических оппонентов и завоевавшей в 1949 г. власть в стране.

Было восстановлено единство государства, древняя цивилизация стала свидетелем начала строительства новой жизни. Однако свой путь развития Китай нашёл далеко не сразу.

Под руководством компартии в 1950–1970-е годы руководство КНР перебирало возможные варианты развития, училось, искало и ошибалось, иногда с тяжелейшими, драматическими последствиями, но страна упорно шла вперёд.

Работа над ошибками была сделана. В последней четверти XX столетия Китай, наконец, модернизировался, построил социалистическую рыночную экономику и “социализм с китайской спецификой”, примирив традицию и современность. Объединив свои преимущества с достижениями внешнего мира, КНР использовала вызов Запада как возможность для развития. Однако успехами на пути преодоления кризиса значение 100-летнего юбилея Коммунистической партии Китая не исчерпывается. На фоне исторического подъёма Китая человечество, особенно его западная часть, стремительно погружается в пучину глубокого цивилизационного кризиса. Всё указывает на то, что началась смена вех и лидеров. С периферии истории Китай выдвигается в первые ряды, на ведущие роли, ищет перспективные пути развития для всего человечества.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КИТАЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА

В конце 1970-х годов после крупных поражений экспериментов Мао Цзэдуна КПК оказалась на распутье. Полный отказ от наследия великого кормчего мог привести к отказу от социализма, а значит, и власти компартии. С другой стороны, в памяти ещё были свежи успехи социалистических преобразований первой половины 1950-х годов. В ходе острых внутрипартийных дискуссий

некоторыми членами руководства высказывалось мнение, что Китай пока не созрел для социализма, что необходимо сделать шаг назад, вернуться к досоциалистическому этапу. Но сомнения в социалистическом выборе были отвергнуты, было решено сохранить социалистический характер развития и признать исторические заслуги Мао Цзэдуна, а все недостатки и несоответствия классическим представлениям удалось объяснить спецификой и сложностью начального этапа социализма. Отличительной чертой нового курса стал перенос центра тяжести на экономическое строительство.

В 1982 г. генеральный курс на сохранение социализма закрепляется в официальной формулировке “социализм с китайской спецификой”. Её теоретическая неопределённость оставляла широкий простор и для практических действий, и для теоретических интерпретаций, что определило прагматичный, гибкий и, вероятно поэтому, эффективный курс КПК.

Незадолго до выдвижения на XIII съезде КПК (1987) концепции “начальной стадии социализма”, увязывавшей социально-экономические и политические аспекты развития, Дэн Сяопин, который в то время уже не занимал ключевых постов в партии, но оставался идеологическим лидером, предположил, что лишь в середине следующего столетия, когда удастся достигнуть уровня среднеразвитых стран, можно будет заявить о том, что в КНР действительно построен социализм и “в полный голос говорить о преимуществах социализма перед капитализмом” [1, с. 309]. Представляется, что до этого уровня сегодняшнее китайское общество во многом доросло, и хотя в документах КПК ещё фигурирует “начальная стадия”, о преимуществах социализма в его китайской версии лидеры страны говорят и пишут всё чаще. Более того, высокие оценки политической системы Китая в середине 2010-х годов стали появляться и на Западе [2, с. 185–198].

Заметим, что концепция “начальной стадии социализма” была крупным теоретическим вкладом КПК в марксистскую теорию и даже её корректировкой: фактически *социализм признавался отдельной формацией*, а не просто переходным периодом между капитализмом и коммунизмом, как у Маркса [3, с. 172–178]. Такая постановка вопроса обосновывала, во-первых, длительное пребывание КПК у власти и необходимость сохранения сильного государства (которое в классическом марксизме при приближении к коммунизму должно отмирать). Во-вторых, появлялась возможность ставить перед страной относительно скромные задачи, не рваться любой ценой вперёд в историческом соревновании с капитализмом, обнаружившим внутренние резервы развития, и главной империалистической державой. Нако-

нец, в-третьих, концепция “начальной стадии” открывала пространство для экспериментов, выбора по принципу полезности самых разных инструментов развития, сближения теории и потребностей практики, причём, как правило, не за счёт практики в угоду идеологической чистоте, как часто бывало в СССР, а за счёт отказа от некоторых теоретических положений, заменить которые было нечем, что в свою очередь предопределило опору на эксперимент и прагматизм.

Из практики постепенно, не без дискуссий и борьбы, выростали и утверждались в стратегии теоретические постулаты: “товарное хозяйство”, “социалистическая рыночная экономика”, идея “тройного представительства” и даже “гармоничное общество”, бросавшее вызов классовой борьбе как главному источнику развития и возможное в классическом марксизме только на высшей, коммунистической стадии.

Практический эффект всех этих теоретических новаций был несомненный. Уже в формуле “социалистическая рыночная экономика”, принятой XIV съездом КПК (1992) после знаковой поездки Дэн Сяопина на юг страны в начале года, разрешалось противоречие между рынком и планированием: они признавались равноценными взаимодополняющими элементами¹, родилась также яркая формула “рынок направляет предприятия, государство направляет рынок”. В Китае начался экономический бум.

Спустя десятилетие, на XVI съезде КПК (2002), полноценным участником социалистического строительства признаётся частный капитал, его новый статус был зафиксирован в Конституции. К этому моменту в стране уже развёрнуто грандиозное строительство инфраструктуры, формируются собственные ТНК, страна вступила в ВТО, бурно прогрессирует экспортный сектор. Развивается конкуренция, на авансцену выдвигается наука и техника, стартуют потребительская и экологическая революции. Одновременно возникают новые противоречия: между трудом и капиталом, национальными и зарубежными предпринимателями, центром и провинциями. Государство активно участвует в процессе развития, предотвращая перерастание противоречий в разрушительные, антагонистические конфликты.

Вопросы острого имущественного расслоения, коррупции, экологического и сырьевого кризиса обсуждаются в этот период открыто. Появляются “новые левые” — влиятельные интеллектуалы и партийные работники, реагирующие

на острые социальные конфликты и диспропорции, возникшие уже в рамках экономически успешного социализма. В середине нулевых годов КПК приступила к “реформированию реформ”, концентрируя внимание на проблемах социальной справедливости и борьбе с либеральной идеологией, воспринимаемой как вызов политической устойчивости КНР [4].

Наиболее ярким свидетельством корректировки курса на экономический рост любой ценой стало повышение отзывчивости китайского государства на проблемы и требования населения [5, с. 194], что в первую очередь воплотилось в создании современной системы социального обеспечения, в том числе в деревне (бесплатная медицинская помощь, среднее образование, пенсионное обеспечение и т.д.), практически отсутствовавшей в сколько-нибудь развитой форме на протяжении всего периода начиная с образования КНР. Кризис 2008–2009 гг. несколько затормозил намеченные преобразования в социальной сфере. Ещё более кардинальный сдвиг в модели развития КНР произошёл уже после прихода к власти нового руководства во главе с Си Цзиньпином. Решающим стал III Пленум ЦК КПК 18-го созыва (2013). Ориентированная на экспорт и инвестиции в инфраструктуру экономическая стратегия постепенно сменялась развитием с опорой на научно-технический прогресс и внутренний спрос. На первый план выходят уже не темпы движения вперёд, а стремление к утверждению социально ориентированного общества, беспощадного к таким порокам, как бедность и коррупция, с которыми начинают бороться не только системно, но и с ощутимыми результатами. Таким образом Китай на практике возвращается к идеям социальной справедливости, замыкая цикл экономический рост — социально-экономическое развитие — проблемы и противоречия — социальная справедливость на новом этапе развития.

Китай выработал оригинальную *модель позитивного развития через решение проблем отсталости*, а это важнейшая задача социализма. Сделав это самостоятельно, а не по западным образцам, он сразу перешёл в другую категорию — в высшую историческую лигу. Это и есть Возрождение в полном смысле слова. Для цивилизации сохранение исторической субъектности не менее важно, чем экономические успехи, которые продемонстрировали многие страны Восточной Азии, но ни одна из них не претендует на *особый путь развития*. Китай расстается с прошлым, со “столетием унижения”, возвращает себе роль ведущей державы Азии. Но при этом возникает потребность в образе будущего, который намечает новый лидер Китая в виде “китайской мечты” (2012).

¹ В научной литературе часто выдвигается тезис о том, что раз в Китае ориентируются на рынок, значит, это не социализм, а капитализм. Но рынок был и в предшествовавших капитализму формациях, более того, Фернан Бродель отмечал, что исторически в XVI–XVIII вв. угнетал и разрушал рынок именно крупный капитал.

Таблица 1. Прирост ВВП, инвестиций и производительности труда в КНР, 2016–2020 гг., %

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП	6.7	6.8	6.6	6.0	2.3
Инвестиции в основные фонды	7.9	7.0	5.9	5.1	2.7
Производительность труда	6.4	6.7	6.6	6.2	2.5

Источник: данные ГСУ КНР.

Первая после прихода к власти Си Цзиньпина пятилетка (2016–2020) планировалась как период интенсификации экономического развития, сокращения избыточных производственных мощностей и более умеренного роста инвестиций в народное хозяйство, который в 2012–2013 гг. составлял порядка 20% в год. С этими задачами удалось справиться, хозяйство оздоровилось и успешно прошло тяжёлые испытания кризисного 2020 г. (табл. 1). Фактически меняется модель развития: *от экстенсивного, основанного на инвестициях роста Китай переходит к наукоёмкой, высокотехнологичной цифровой экономике*, открывающей новую страницу в истории человеческой цивилизации именно в этот период. Совпали два рубежа в развитии человечества и в развитии Китая. Такая синхронизация даёт преимущество, мультипликативный эффект – стране не нужно преодолевать внутреннюю инерцию, она сразу оказывается на переднем крае мирового развития.

Конечно, пока Китай не догнал наиболее развитые страны по показателю дохода на душу населения, но он оказался готов к тому, чтобы включиться в гонку за лидерство в новой эпохе, сохраниться в качестве исторического субъекта, не выкатился на обочину истории, что представлялось вероятным ещё 30 лет назад. Удалось решить главную задачу – сохраниться в качестве особой цивилизации, заняв своё место в ряду мощнейших держав современности.

В последнее десятилетие заметно усиливается социальная ориентация государственной политики. Символично, что вскоре после октябрьского пленума ЦК КПК в 2020 г. в журнале “Цюши” (“Поиск истины”) впервые было опубликовано выступление Си Цзиньпина на коллективной партийной учёбе Политбюро в 2015 г., в котором подчёркивалась неотложность задачи сокращения разрыва в благосостоянии отдельных групп населения, важность перераспределения, выявления преимуществ социалистического рыночного хозяйства и преодоления дефектов капиталистической экономики [6]. Заметим, что на фоне стагнации трудовых доходов в западных странах в течение всего минувшего десятилетия в Китае заработная плата быстро увеличивалась, не отстаёт от неё и производительность труда, возрастающая в

2010-е годы в среднем на 7–8% в год – против 1% в США [7, с. 58–61].

КПК последовательно вербует в социализм предпринимателей. В течение всей тринадцатой пятилетки (2016–2020) проводилась политика упрощения деятельности малого и среднего бизнеса, избавления его от отживших бюрократических регламентов. В 2020 г. на фоне пандемии малым предприятиям были предоставлены значительные льготы и послабления, которые сохраняются и в 2021 г. Примечательно, что после преодоления вызванного пандемией кризиса Пекин активизировал антимонопольную политику: мартовская сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 2021 г. поручила своему Постоянному комитету доработать соответствующее законодательство и заполнить лакуны в регулировании цифровой экономики.

Китай целенаправленно стремится вписаться в общие тренды постиндустриального развития и формирует соответствующее ей предметное поле, повестку развития, включающую все новейшие тенденции – информатизацию, цифровизацию, защиту окружающей среды, зелёную экономику, использование искусственного интеллекта, больших данных, в том числе в регулировании социальных процессов и отношений. КПК и правительство последовательно проводят курс на защиту малого и среднего бизнеса от гнёта монополий – своих и чужих. Показательны нашумевшие истории с компаниями Alibaba и Tesla в конце 2020 – начале 2021 г., когда регулятор предпринял меры по ограничению их деятельности в интересах других участников рынка. Начата разработка законодательства, направленного на предотвращение диктата цифровых гигантов.

На этом фоне контрастно выглядит усиливающееся угнетение рынка монополиями в западных странах [8, 9]. Зарубежные исследователи сходятся в том, что одной из причин нынешнего упадка Запада стала деятельность крупных и сверхкрупных ТНК, которые подмяли под себя правительства, другие ветви власти, многие международные и неправительственные организации. В результате рыночное пространство постепенно сужается, из-за подавления малого бизнеса сокращается занятость, а государство не выполняет своих регулирующих функций.

Для современного Китая характерно *сочетание рынка и государственного регулирования*, подержание баланса между ними. КНР удаётся избежать диктатуры либо государства, либо капитала, не менее разрушительной, чем антагонизм классов, труда и капитала. Всепроникающая партия смогла подчинить и вовлечь крупный бизнес, в том числе частный и зарубежный, в решение национальных стратегических задач, будь то развитие отсталых регионов, освоение зарубежных источников топлива и сырья или экологические и технологические планы. Важным условием цельности политической и экономической системы Китая зарубежные исследователи считают бдительность центрального банка страны, ограничивающего международное движение финансового капитала [7, с. 47].

Особенно ярко решающая роль государства видна в новых, прорывных технологиях и высокотехнологичных отраслях экономики. Важнейшей задачей четырнадцатой пятилетки (2021–2025) в Китае определено *усиление самообеспечения хозяйства, его технологической независимости*. В докладе министра финансов на сессии ВСНП в 2021 г. предусмотрено увеличение финансирования фундаментальной науки на 10.6% при росте бюджетных расходов в целом на 1.8%. Социальная направленность нынешнего курса в области науки и образования явственно проступает в ориентации на “некоммерческий характер образования и развивающее образование для большего числа талантов, которые могут внести свой вклад в качественное развитие страны и высокий уровень самообеспеченности” [10; 11, с. 653].

Особую актуальность развитию науки и техники в Китае придают напряжённые отношения с западным миром. В этих условиях решающая роль вновь принадлежит государству, которое вырабатывает соответствующую политику. Ведь технологическая независимость — это способность отвечать на вызовы времени, обязательное условие утверждения нового в экономике и социуме, это вопрос обеспечения национальной безопасности. Передовые технологии сыграли и продолжают играть заметную роль в китайском возрождении, в снижении зависимости от внешнего мира, в поддержании критических звеньев экономической системы (АЭС, экология, банки и т.д.). Государство обеспечивает и цифровой суверенитет.

Сталкиваясь на внешних рынках с протекционизмом, деглобализацией и технологической войной, Китай переносит центр тяжести в развитии на внутренний рынок или, как обозначено в документах КПК 2020 г., “внутренний контур”, который теперь должен гарантировать и генерацию новых технологий. Расширение сбыта внутри страны за счёт роста доходов менее обеспечен-

ных слоёв населения рассматривается как вполне достижимая цель. Она иллюстрируется стандартным примером распределения дохода между двумя участниками рынка: при соотношении доходов 2:8 товар ценой в три единицы купит только один участник, если же доходы распределены в пропорции 4:6, то таких покупателей станет уже двое. Известен опыт проведения успешной политики роста с акцентом на усиление равенства в США в 1950–1960-е годы и на Тайване в 1970-е.

Социалистический рынок — важный инструмент достижения китайской мечты. Решив сложнейшие задачи жизнеобеспечения огромной страны с растущим населением, КПК теперь может спокойно полагаться на “живое творчество масс”, охраняя его от угнетения монополистами и бюрократами и поощряя коллективную самоорганизацию, кооперацию, взаимовыручку и даже лукавый обход строгих предписаний. При этом народная инициатива может опереться на высокоразвитую жёсткую и мягкую инфраструктуру. Так китайская мечта постепенно обретает контуры не казённого (государственного), а *народного социализма*. Из высокомерного бюрократа государство превращается в организатора народной жизни.

Ныне мы наблюдаем уже достаточно зрелую конструкцию социализма в Китае, или строй, который способен сам себя воспроизводить. В начале третьего десятилетия XXI в. вполне правомерно говорить о завершении начальной стадии, об утверждении устойчивого, системно-законченного социализма в этой стране. Иными словами, перед нами зрелый, состоявшийся социализм, продолжающий развиваться. Этот строй пока далёк от классических идеалов европейского социализма, в том числе социального равенства. Но приближение к ним, особенно в минувшем десятилетии, наметилось со всей определённостью. Это фиксируют и независимые данные о росте популярности китайского руководства внутри страны [12].

Переходя к международным аспектам обозначенных в партийных документах “двух контуров” хозяйства — внутреннего (основного) и внешнего, — зафиксируем, что Китай уже в начале 2010-х годов бросил уверенный вызов западному доминированию [13, с. 42], вызов, в котором теперь присутствует убедительная социально-экономическая составляющая. Речь, таким образом, идёт о новом качестве глобального противостояния: в противовес кризисам и упадку Пекином предложена привлекательная альтернативная модель, в которой “*священное право на развитие*” занимает центральное место [14].

ДИПЛОМАТИЯ КАК СЛАГАЕМОЕ УСПЕХА КИТАЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА

На финише марафона длиной в 100 лет — векового пути Коммунистической партии Китая — можно с уверенностью констатировать, что судьи зафиксируют не только неоспоримую победу, но и мировой рекорд. Немалый вклад в этот феноменальный результат внесла китайская дипломатия.

Наступательный характер китайской дипломатии был заложен ещё на том этапе, когда молодая китайская компартия только разворачивала революционную борьбу за власть и формулировала свои цели, в том числе в международных отношениях. Умение жёстко отстаивать свои интересы впоследствии многократно проявится на разных этапах внешнеполитической деятельности Китая.

Позиция КПК по международным вопросам первоначально была сугубо идеологизированной, раскрашенной в чёрно-белые тона. Картина мира формировалась под воздействием ВКП(б) и Коминтерна, а задачи партии во многом совпадали с задачами мирового коммунистического движения. Со временем подходы руководства КПК во внешней политике стали уточняться с учётом национальных интересов.

Ещё до победы народной революции Мао Цзэдун получил первые впечатления от общения с американскими дипломатами, которые на заключительном этапе антияпонской войны (1944—1945) зондировали настроения и набивались в посредники между КПК и Гоминьданом. А первым опытом переговоров можно считать участие делегации коммунистов во главе с Чжоу Эньлаем в подготовке и проведении Политического консультативного совещания в Чунцине в 1945—1946 гг.

Победа в гражданской войне и образование Китайской Народной Республики стали принципиальным водоразделом: коммунисты осознали себя наследниками китайской государственности, что не могло не привести руководство КПК к переосмыслению функций и усложнению целеполагания в области внешней политики. Теперь Пекин выступал одновременно и частью мирового социализма, противостоящего мировому империализму, и в роли национального государства, выразителя интересов китайской нации, всей великой цивилизации [15, с. 110—125].

Как КПСС, правящие партии других социалистических стран и иные коммунистические и многие рабочие партии, своей конечной целью КПК провозглашала победу социализма над капитализмом. В то же время китайская дипломатия уже в первые годы существования КНР столкнулась с необходимостью обеспечивать благоприятные внешние условия для внутреннего развития Китая и вести переговоры с зарубежными представителями, не только советскими.

История внешней политики КНР свидетельствует о том, что колоссальное влияние на китайскую дипломатию оказала и продолжает оказывать традиционная политическая культура Китая. Это прежде всего стремление к порядку и гармонии, восприятие мира как иерархически упорядоченного макрокосма, пиетет перед мудростью философских теорий, предпочтение дипломатическим методам в противовес военным решениям, стратагемность мышления, практицизм как часть национальной психологии, привычка всё тщательно продумывать, планировать, просчитывать, быть осмотрительным в поступках. К этому следует добавить зафиксировавшиеся в исторических анналах древнекитайские внешнеполитические концепции и отложившиеся на уровне исторической памяти перипетии отношений Китая с соседними государствами и дальними державами [16]. В этом смысле на заре своего формирования и на ранних этапах внешняя политика КНР переживала серьёзнейшие перегрузки. Прошло немало времени, прежде чем китайская дипломатия обрела своё лицо.

Заметим, что в вопросах организации дипломатической службы молодая республика сделала по сравнению с дипломатией старого Китая огромный шаг вперёд. Немалую роль в её становлении сыграл Советский Союз — от дипломатического признания сразу после образования КНР и поддержки первых шагов китайской дипломатии на международной арене до практической помощи в деле подготовки кадров. Однако это была сугубо национальная дипломатическая служба, которая, наряду с революционной новизной, впитала в себя многое из арсенала традиционной китайской дипломатии. Как образно говорили в Древнем Китае, “синий цвет происходит от голубого и превосходит его”. Это был тот самый случай.

Внешнюю политику КНР на начальном этапе формулировал и направлял лично Мао Цзэдун. Но непосредственно руководил внешнеполитической деятельностью премьер Госсовета, первый министр иностранных дел Чжоу Эньлай. Именно он сыграл ключевую роль в становлении китайской дипломатической школы, в выработке принципов, теории и практики дипломатии народного Китая. “Дипломатия Чжоу Эньлая” отличалась сочетанием твёрдости в отстаивании национальных интересов и стремлением к взвешенности при выстраивании отношений КНР с зарубежными странами [17, с. 96—118].

Несмотря на то, что внешняя политика в первые три десятилетия существования КНР носила противоречивый характер, были очевидны и достижения. К ним следует отнести утверждение самостоятельного и независимого курса; развитие в 1950-х годах тесных отношений сотрудничества с

СССР и странами социалистического лагеря; участие в выработке пяти принципов мирного сосуществования; участие в Бандунгской конференции стран Азии и Африки (апрель 1955 г.), в итоговом документе которой были сформулированы “десять принципов Бандунга”; укрепление авторитета КНР в глазах развивающихся государств; возвращение Китая в ООН 25 октября 1971 г.; визит в КНР президента США Р. Никсона в феврале 1972 г. и нормализацию китайско-американских отношений; установление дипломатических отношений с Японией и Великобританией (1972); формулирование китайской позиции по тайваньскому вопросу; разработку и развитие концепции “народной дипломатии”.

Примечательно, что китайско-американские переговоры по окончании Корейской войны в Панмунджоме, Женеве и Варшаве способствовали формированию особого стиля китайской дипломатии. Уже тогда его отличали твёрдое и грамотное отстаивание своих интересов наряду с готовностью идти на компромиссы, способность вступать в острую полемику и делать неожиданные ходы, умение скрывать собственные слабости и максимально использовать ограниченные преимущества, отношение к переговорам как к способу убедить противоположную сторону в моральной и фактической правоте китайской позиции, восприятие переговорного процесса как перманентного торга. Кроме того, китайские дипломаты научились с успехом использовать богатый арсенал различных дипломатических приёмов [18, с. 50–63].

Эпоха 1950–1970-х годов стала временем выхода на авансцену целой плеяды блестящих дипломатов. Это Ван Биннань, Хань Няньлун, Цяо Гуаньхуа, Цянь Цичэнь и другие, чьи имена навсегда вписаны в историю международных отношений. В 1970–1980-е годы Китаю удалось перевернуть мрачную страницу так называемой хунвэйбиньской дипломатии периода “культурной революции”, от которой пострадали не только отношения КНР со многими иностранными государствами, но и сами сотрудники МИДа и китайская дипломатия в целом. Китай заплатил за эту вакханалию дороговую цену.

Период дипломатии Мао Цзэдуна – Чжоу Эньлая стал исключительно важным этапом трансформации традиционных методов ведения внешней политики в современные. Это было время беспрецедентного внешнеполитического творчества, включая разработку кардинально новых концепций и апробацию новых подходов. Рождение новой дипломатии происходило под сильнейшим воздействием идеологических влияний, в тяжелейших условиях становления социалистического строя и острой борьбы на международной арене. Без этой дипломатии, порой

успешной, порой ошибочной, часто противоречивой, не было бы дипломатии сегодняшнего Китая. Одним из драматических эксцессов того периода стало охлаждение отношений, а затем и противостояние двух бывших союзников – КНР и СССР. Правда, и здесь дипломатия сыграла позитивную роль – сначала в удержании сторон от полномасштабного вооружённого конфликта, а затем, после исторической встречи А.Н. Косыгина с Чжоу Эньлаем в пекинском аэропорту в сентябре 1969 г., и в выводе советско-китайских отношений на траекторию движения в направлении восстановления утраченного [19].

В начале 1980-х годов стали выявляться стратегические издержки проводившегося на протяжении полутора десятков лет курса “единого фронта” борьбы против советского гегемонизма. Постепенно в Пекине начали склоняться к тому, что линия на одностороннее партнёрство с Западом и дальнейшее ухудшение отношений с Советским Союзом не может гарантировать ни подлинно независимой внешней политики, ни осуществления политики реформ в интересах модернизации Китая, которую провозгласил новый лидер страны Дэн Сяопин. Основными задачами КНР были названы ускорение темпов социалистической модернизации, борьба за объединение Родины и за сохранение мира во всём мире. Характерно, что все эти задачи так или иначе были связаны с реализацией внешнеполитического и внешнеэкономического курса страны.

С началом реформ постепенно обновлявшее свои воззрения на отношения с зарубежными странами высшее руководство КПК и КНР подспудно произвело кардинальную смену внешнеполитической идеологии. Конкретные внешнеполитические установки были приведены в соответствие с задачами экономических реформ и открытости, а внешняя политика – поставлена на службу модернизации страны. В результате удалось выработать новую парадигму существования Китая в окружающем мире и общения с ним.

Отказавшись от “революционной дипломатии” предшествующего периода, китайские реформаторы встали на путь развития дружественных отношений с зарубежными странами, конструктивного участия Китая в мировых делах, постепенной интеграции в систему международных отношений [20]. Не всё было гладко на этом пути. Решительные действия руководства КПК во главе с Дэн Сяопином в ответ на события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. обернулись антикитайскими санкциями со стороны США, Западной Европы и Японии, которые попытались организовать международную изоляцию Китая. Преодолеть острый внешнеполитический кризис китайцам удалось прежде всего благодаря мудрой внутренней политике, обеспечившей

сначала политическую и экономическую стабилизацию в стране, а через некоторое время продолжение и ускорение политики реформ и открытости. Важную роль в противодействии санкциям сыграли активные внешнеполитические усилия Пекина, использование им резервов отношений с дружественными странами, поддержка антииракской коалиции в ходе войны в Персидском заливе, изобретательная тактика действий в других международных делах. Большим подспорьем для Китая стала морально-политическая поддержка Советского Союза, с которым в мае 1989 г. КНР нормализовала отношения, одновременно были восстановлены межпартийные отношения между КПК и КПСС [21].

Болезненно пережив распад СССР и крушение социализма в Восточной Европе, Китай удержался от начала новой идеологической полемики, взяв курс на установление нормальных связей со всеми странами бывшего “восточного блока”, в первую очередь с Россией. Активная политика Пекина в отношении стран СНГ способствовала налаживанию добрососедских отношений с ними, преградила путь тайваньскому дипломатическому наступлению и подготовила следующий этап – этап расширения китайского присутствия на постсоветском пространстве, прежде всего в Центральной Азии.

История с острой международной реакцией на тьяньаньмэньские события продемонстрировала Китаю приоритетность поддержания ровных отношений с ведущими странами Запада и одновременно разрушила последние иллюзии относительно подлинных мотивов китайской политики США. Пекин сделал для себя важный вывод о необходимости проведения *многовекторной внешней политики*, в рамках которой усилия по налаживанию стабильных взаимовыгодных связей с западными странами сочетались бы с развитием более тесного сотрудничества с Россией, другими соседями, региональными государствами и развивающимися странами.

Реформы Дэн Сяопина и усилия его последователей – генеральных секретарей ЦК КПК Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао – привели к небывалому подъёму Китая, укреплению его совокупной мощи, к упрочению позиций КНР на международной арене. Но это напугало Запад. В сложившихся условиях Китаю потребовалась особенно аккуратная дипломатия. Этим, по-видимому, была обусловлена дипломатическая стратегия, которую в начале 1990-х годов в 28 иероглифах сформулировал Дэн Сяопин. По его мнению, в течение длительного периода Китаю на международной арене следует придерживаться следующих принципов: уметь хладнокровно наблюдать; укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку; научиться справляться с трудностями;

держаться в тени, стараться ничем не проявлять себя; быть в состоянии защищать пусть упрощённые, но свои собственные подходы; никогда не претендовать на лидерство; играть свою роль, делая то, что на данный момент возможно. Эти заповеди предопределили модель внешнеполитического поведения КНР на два десятилетия вперёд, отточив такое качество китайской дипломатии, как *стратегическое терпение* [22, с. 9–27].

На 1990-е годы пришлось взрывное расширение диапазона форм и методов китайской дипломатии, её географического и функционального охвата. Эта новая тенденция стала результатом ориентации на внутренние потребности Китая, отражением особенностей развития современного мира. Обеспечить подобное соответствие могла только очень грамотная и гибкая дипломатия, которая руководствовалась выверенной стратегией, однако была готова принести многое в жертву необходимости в тактических вопросах – вплоть до отказа от того, что казалось незыблемым.

Ключом к решению дипломатических задач в изменяющихся условиях было постоянное самореформирование, беспрестанный анализ ситуации, твёрдость в отстаивании своих позиций наряду со способностью принимать смелые, неортодоксальные решения. Меняясь, Китай и его дипломатия не только сумели удержаться на гребне волн общемировых тенденций, но и, адаптировавшись к ним, начали в известной степени управлять развивавшейся глобализацией и нарождавшимся стремлением стран АТР к региональному сотрудничеству.

В отдельных вопросах происходил возврат к политике начала 1950-х годов (пять принципов мирного сосуществования, опора на собственные силы), а в других – обращение к ещё более глубинным, фундаментальным основам – к традиционным ценностям и базовым понятиям, таким как гармония, порядок, уважение, баланс интересов. Во внешней политике КНР мир и добрососедство снова стали важнейшими ориентирами. Неслучайно с конца 1980-х годов отмечается активное участие Китая в многосторонней дипломатии. Не пройдёт и десяти лет, как КНР сама начнёт участвовать в создании новых многосторонних организаций и форумов, среди которых особое место занимают ШОС и БРИКС.

В исключительно короткие сроки китайская дипломатия научилась пользоваться инструментами “мягкой силы”, многие из которых, да и сама концепция Дж. Ная, воспринимались в Китае как развитие наставлений китайских мудрецов и существование дипломатической практики династий прошлого. Даосская максима гласит: “мягкое одолевает твёрдое”. Сетевая дипломатия, культурная дипломатия, публичная дипломатия, информационная дипломатия, цифровая

дипломатия сегодня служат весомым инструментарием внешней политики КНР [23]. Значительных успехов добился Китай в применении методов экономической дипломатии. Её квинтэссенцией можно считать инициативу “Один пояс, один путь”.

Пандемия новой коронавирусной инфекции спровоцировала возникновение “масочной” и “вакцинной” дипломатии. Объявление Китаю американцами торговой войны, провозглашение Западом курса на всестороннее сдерживание КНР и обострение геополитической обстановки породили такие новые формы внешнеполитической борьбы, как дискурсивную дипломатию и дипломатию “боевых волков”, то есть резкую и бескомпромиссную риторику китайских официальных лиц. Китай, всегда выступавший против односторонних санкций против других государств, был вынужден взять на вооружение отдельные элементы санкционной политики.

Все эти виды дипломатии, опираясь на неизмеримо выросший по сравнению с недавними временами экономический, научно-технический, культурный, оборонный и информационный потенциал страны, на наших глазах разворачиваются и сливаются в разветвлённую, многостороннюю, поддерживаемую мозговыми центрами и квалифицированными кадрами *систему разработки и реализации внешнеполитической стратегии, тесно увязанной со стратегией развития страны* в целом. Она вполне адекватна вызовам и запросам современности.

При этом остаётся неизменным независимый и самостоятельный характер внешней политики КНР. Не претерпели изменений и такие фундаментальные принципы китайской внешней политики, как равноправие и взаимное уважение. Им, увы, не соответствует нынешняя линия США в отношении Китая. Отсюда требования к Вашингтону отказаться от попыток разговаривать с Пекином с позиции силы. Вместе с тем китайское руководство по-прежнему нацелено на выстраивание с Америкой, равно как и со всеми другими странами, равноправного диалога и взаимовыгодного сотрудничества, стремится по возможности избегать конфликтов и противостояния. Принцип “находить общее, несмотря на существующие различия”, сформулированный ещё Чжоу Эньлаем, остаётся в силе.

* * *

На стыке второго и третьего десятилетий нынешнего века хорошо видно органичное сопряжение внутренней и внешней политики Китая, их взаимное обогащение и взаимная поддержка. Это отнюдь не бесконфликтное взаимодействие, требующее от системы управления тщательного от-

слеживания происходящих процессов, обработки гигантских массивов информации, чёткой специализации ведомств и служб, координации их работы, ясной иерархии целей при принятии решений, учёта разнообразных интересов. Понятно, что подготовка решений сопровождается дискуссиями, порой острыми, но их стараются не афишировать, не жалея сил на консультации и согласования. В результате выверенные решения и планы последовательно воплощаются в жизнь, что выгодно отличает их от импульсивного и нередко беспорядочного принятия решений во многих других странах.

Укрепляющееся единство внутреннего и внешнего курса Китая придаёт законченность осуществлённому КПК масштабному проекту по построению социалистического по своей глубинной сути общества. Его воздействие на окружающий мир усиливается, открывая для других государств новое теоретическое пространство для анализа собственного опыта, возможной корректировки политики и стратегии, в том числе в отношениях со странами Запада, ТНК, международными организациями. Системность и рациональность китайской стратегии делают КНР ответственным и предсказуемым партнёром, поэтому и практическое сотрудничество с Китаем сулит большие выгоды по всё более широкому кругу областей.

Центром притяжения, вокруг которого выстроена теперь внутренняя и внешняя политика Китая, несомненно, является *процесс развития* во всей полноте его открытий и достижений, противоречий и попятных движений, бесконечного многообразия форм. Это прочная основа для новых исторических побед и успехов на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. М.: ИД “ФОРУМ”, 2011.
2. *Bell D.* The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. Princeton University Press, 2016.
3. *Vinogradov A.V., Salitskii A.I.* Can we talk about the formation of a new social system in China? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. № 1. P. 78–83; *Виноградов А.В., Салицкий А.И.* Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? // Вестник РАН. № 2. 2019. С. 172–178.
4. *Борох О.Н., Ломанов А.В.* Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР. <http://polit.ru/article/2006/04/20/boroh/> (дата обращения 15.04.2021).
5. *Королёв А.Н.* Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 90–107.
6. *Xi Jinping.* Opening Up New Frontiers for Marxist Political Economy in Contemporary China // Qiushi

- Journal. Chinese edition. 2020. № 16. http://en.qstheory.cn/2020-11/08/c_560906.htm(accessed 08.03.2021).
7. *Fouskas V.K., Roy-Mukherjee S., Huang Q., Udeogu E.* China & the USA: Globalization and the Decline of America's Supremacy. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020.
 8. *Tepper J., Hearn D.* The Myth of Capitalism. Monopolies and the Death of Competition. Wiley, 2018.
 9. *Philippon T.* The Great Reversal: How America Gave Up on Free Markets. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2019.
 10. Xi Focus: Xi demands building quality, balanced basic public education service system //Xinhuanet. 06.03.2021. http://www.xinhuanet.com/english/2021-03/06/c_139789921.htm (accessed 12.03.2021).
 11. *Гурулева Т.Л., Ван Бин.* Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 3. С. 636–654.
 12. *Cunningham E., Saich T., Turiel J.* Understanding CCP Resilience: Surveying Chinese Public Opinion Through Time. Harvard Kennedy School. Center for Democratic Governance and Innovation. July 2020. https://ash.harvard.edu/files/ash/files/final_policy_brief_7.6.2020.pdf(accessed 09.03.2021).
 13. *Барский К.М., Салицкий А.И.* Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. 2012. № 7 (70). С. 28–43.
 14. Six points China has to let US understand: Global Times editorial 18.03.2021. <https://www.global-times.cn/page/202103/1218831.shtml> (accessed 20.03.2021).
 15. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: Астрель, 2013.
 16. *Pye L.* The Mandarin and the Cadre. China's Political Culture. Ann Arbor, 1988.
 17. *Fang P., Fang L.* Zhou Enlai – a Profile. Beijing: Foreign Languages Press, 1986.
 18. *Wilhelm Jr.A.* Chinese at the Negotiating Table. Washington, DC: National Defense University Press, 1994.
 19. *Капица М.С.* На разных параллелях: записки дипломата. М.: Книга и бизнес, 1996.
 20. *Корсун В.А.* Внешняя политика КНР в 80-е годы (современный внешнеполитический механизм Китая). М.: МГИМО, 1990.
 21. *Qian Qichen.* Ten Episodes in China's Diplomacy. HarperCollinsUSA, 2006.
 22. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015.
 23. *Kurlantzick J.* China's Charm: Implications of Chinese Soft Power. Policy Brief 47. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, June 2006.